

В итоге они единогласно приняли комплексный план, сочетающий оборону с прорывом. Заодно продумали и пути отступления: если супермаркет будет сдан, немедленно пробираться через вентиляционное окно на крышу и искать возможность занять столовую. А вот что делать дальше — прорываться вперед или снова уходить в глухую оборону — они решат уже на месте, по обстоятельствам. Разумеется, лучше всего было бы просто дожидаться спасателей в безопасном супермаркете.

Хотя рассудком все понимали, что супермаркет может пасть в любой момент, и заранее набили рюкзаки самой сытной едой, положив их вместе с оружием у изголовья, глубокой ночью, когда жуткие звуки снаружи начали стихать, они все равно невольно улеглись спать, пытаясь отыскать в мягких постелях хоть каплю прежнего покоя и домашнего уюта.

Это был долгий, изматывающий день — как для пятерых парней, вырвавшихся из общежития, так и для спасшейся из умывальной комнаты Линь Дилэй.

Сейчас все пятеро лежали в ряд на матрасах, расстеленных на полу. Не совсем вплотную друг к другу, но на расстоянии вытянутой ноги. Линь Дилэй уложили у самого края, возле стеллажей у глухой стены. Она понимала, что это самое безопасное место. Ничего не говоря вслух, она была глубоко тронута их заботой.

Пока она была заперта в умывальной, в голову ей приходили самые разные мысли. Ворвавшиеся монстры могли загрызть ее насмерть, или же ее могла спасти сплоченная группа студентов. Но последний вариант не приносил ей успокоения. Девушка в подобных обстоятельствах в лучшем случае стала бы обузой, о худшем же не хотелось и думать. Называйте ее циничной или пессимистичной, но когда смерть ходит по пятам, никто не может поручиться, что человечность и мораль не дадут трещину.

В итоге она круто ошиблась.

Но этой ошибке она была несказанно рада — весь негатив, скопившийся за время заточения в умывальной, мгновенно испарился.

Она училась в отличном университете и встретила прекрасных ребят. И пусть из-за внезапной вспышки вируса она оказалась заперта в умывальной, да еще и «критические дни» нагрянули в самый неподходящий момент, она верила: ночь обязательно пройдет, и забрезжит рассвет.

Следующие два дня прошли спокойно.

Шестеро ребят потратили полдня на инвентаризацию склада, а затем собрались вместе, чтобы изучить карту кампуса. Однако на ней были одни и те же места, и все их обсуждения оставались чистой теорией. В конце концов говорить стало не о чем, и карту отложили.

Прорыв, конечно, таил в себе смертельную опасность, но заставлял предельно концентрироваться. Осада же казалась безопаснее, но в тихом, унылом ожидании воля постепенно притуплялась. Сложно сказать, что из этого лучше, но сейчас всем шестерым было невыносимо скучно.

Восьмой день после вспышки зомби-волны, четвертый день в супермаркете. Облачно, с прояснениями.

— Надо нам чем-то заняться, а то совсем раскиснем, — Сун Фэй не выдержал, поднялся и принялся мерить шагами комнату, лихорадочно соображая, чем бы развлечься.

— Не трать силы попусту, — Чжоу Илюй вытащил палочку «Пеки» из коробки в руках сидевшего рядом Цяо Сыци и сунул ее в рот. — Книг нет, интернета нет, карт нет, маджонга нет. В «Мафию» уже играть тошно. Нас тут всего шесть калек, не в «Правду или действие» же играть?

Цяо Сыци поспешно спрятал остатки печенья, уворачиваясь от тянущейся к нему руки Чжоу Илюя:

— Ладно еще «правда», а «действие»-то как? Выйти наружу и подраться с зомби? Или сожрать горсть стирального порошка?

Ло Гэн покачал головой:

— Мы и так по уши в приключениях, куда еще больше? Не надо искушать судьбу.

Чжоу Илюй задумчиво потер подбородок и предложил:

— А может, поиграем в слова?

Сун Фэй промолчал.

Цяо Сыци тоже.

Ло Гэн лишь вздохнул.

— Можно попробовать, — сказала Линь Дилэй.

— Я согласен, — поддержал Ци Янь.

Трое на троих. Хоть и не большинство, но уже хоть какое-то единодушие. Игра началась без промедления.

— Чур, я первый! «Атака»! — вызвался Цяо Сыци.

— «Апокалипсис»! — подхватил Ло Гэн.

— «Санаторий»! — выпалил Чжоу Илюй.

Сун Фэй промолчал.

Ци Янь тоже.

Линь Дилэй лишь вздохнула.

Игра тут же заглохла.

Сун Фэй готов был вручить Чжоу Илюю почетную грамоту с надписью: «Мастер зачистки поля, на страже тишины».

Сонно зевнув, Сун Фэй нащупал телефон, чтобы посмотреть на время. Десять минут первого дня. Неудивительно, что его так клонило в сон... Стоп. Он вытаращил глаза, всматриваясь в дату на экране, и до него наконец дошло:

— Ребята, сегодня же Рождество!

От этих слов все мигом оживились и полезли за своими телефонами.

— Офигеть.

— И правда.

— Ха-ха, мы совсем счет дням потеряли.

Цяо Сыци на автомате похлопал себя по карманам, но, ничего там не обнаружив, с досадой откусил половину палочки «Пеки» и принялся ожесточенно жевать.

— Эх, на прошлое Рождество я стоял с мольбертом на городской площади, рисовал портреты прохожих. Вокруг меня толпились толпы одиноких девчонок, пришедших погулять с подружками. Красота была... — Чжоу Илюй раскинулся звездой на матрасе, предаваясь приятным воспоминаниям.

— Ты еще и рисовать умеешь? — удивилась Линь Дилэй.

Чжоу Илюй сел и серьезно ответил:

— А как же, старая школа. Меня еще до школы заставили ходить в художественный класс.

Линь Дилэй с недоверием окинула его взглядом с ног до головы:

— Играешь на гитаре, рисуешь портреты, даже нож из Японии привез, чтобы готовить японскую еду прямо в общежитии... Почему у такого парня, как ты, до сих пор нет девушки?

Чжоу Илюй долго и напряженно думал, а затем просто развел руками:

— Сам не знаю.

Но Сун Фэй и Цяо Сыци прекрасно знали ответ:

— Потому что с тобой и двух слов связать невозможно!

Ло Гэн немного помялся, но все же тихонько пододвинулся к Линь Дилэй и робко произнес:

— Я хоть и не умею рисовать, зато умею находить производные...

Линь Дилэй зависла, не зная, что на это ответить, и поспешила перевести тему, обратившись к Сун Фэю и остальным:

— А вы? Как вы провели прошлое Рождество?

— Я переводил на слух один ужастик про Санта-Клауса, — без запинки выдал Цяо Сыци; воспоминание явно было ярким. — Уф, полный разрыв шаблонов, сказка наизнанку, да еще и концовка чертовски мрачная. Как же он назывался...

— Можешь не называть этот шедевр, спасибо, — прервал его Сун Фэй, пытаясь вспомнить свое прошлое Рождество.

Это воспоминание не пришлось долго искать. Напротив, оно сияло так ярко, что Сун Фэй увидел его, едва приоткрыв ларец памяти.

Он поднял голову и встретился взглядом с Ци Янем. Трудно было сказать, посмотрел ли тот на него только что или наблюдал уже какое-то время, но в его глазах читались сложные, не поддающиеся описанию эмоции.

— Ну так что? — Линь Дилэй все еще ждала ответа Сун Фэя.

Сун Фэй отвел взгляд и пожал плечами:

— Поехал в центр города погулять по пешеходной улице, и меня там чуть не раздавила толпа.

Линь Дилэй представила себе эту картину и затем — намеренно или случайно — повернулась к Ци Яню:

— А ты? Как ты провел прошлое Рождество?

Ци Янь горько усмехнулся:

— Потерял кошелек. Погнался за вором, да не догнал.

Линь Дилэй понимающе кивнула. Действительно, целая история.

Ло Гэн, так и не дождавшись внимания от своей богини, унывать не стал. Он притащил кучу жестяных банок яблочной «Фанты» — набрал на полках и на складе — и принялся сооружать из них конусообразную башню высотой в половину человеческого роста. Выглядело это сооружение вызывающе зеленым.

— Рождественская елка? — рискнула предположить Линь Дилэй.

Ло Гэн яростно закивал.

Линь Дилэй прыснула со смеху.

Ло Гэн чуть не задохнулся от счастья.

Атмосфера мгновенно разрядилась, тоска и скука улетучились, уступая место праздничному настроению. Ребята вскрыли пару пачек семечек, разрезали красные упаковки на ленты, склеили их между собой и развесили на «елке» наподобие гирлянды. Зеленый вперемешку с красным — вышло и красиво, и празднично. Просто идеально.

Шестеро друзей уселись в круг. Цяо Сыци уже свалил в кучу посередине кучу сладостей. Каждый взял по банке колы, и они дружно чокнулись:

— Счастливого Рождества!

Если во тьме некому подарить нам свет, мы зажжем его сами.

На пол выстроились восемь стеклянных стаканов, наполненных водой на разную высоту. Чжоу Илюй взял металлические палочки для еды, одолженные у Сун Фэя, и с легким звоном извлек первую ноту.

Ноты одна за другой срывались из-под его палочек — плавно, чисто и звонко, складываясь в знакомую всем мелодию. словно кружащиеся на ветру снежинки, она лилась легко, весело и по-детски беззаботно.

<http://bllate.org/book/18287/1753405>